

Глава 14. Сколько коллективизма? – Сколько индивидуальной свободы?

*Попытки создать на земле рай
постоянно приводят к аду.*

Карл Поппер

У индейцев близ Ванкувера в Канаде существовал праздник зимы. Завершение года отмечалось песнями, танцами, театрализованными представлениями и раздачей подарков. Вождь дарил всем членам общины и гостям копченую рыбу, рыбий жир, корзинки и деревянные ложки. При этом все должны были получить равноценные подарки, что достигалось посредством специального церемониала.

Распределение: экономика сердца

Если присмотреться внимательней, то на этом празднике происходило не распределение благ: подарки выступали платой за то, что вождь и его семейный клан владели привилегированным правом пользоваться природой в виде охоты и рыбной ловли. Посредством раздачи подарков это право закреплялось на будущее. Раздача подарков служила не просто способом уравнительного распределения; это была церемония укрепления власти.

Сейчас мы точно не знаем, какое количество благ распределялось посредством праздничной раздачи подарков, было ли это, например, способом уравнительного распределения всех благ. Но для сегодняшнего сложного, основанного на разделении труда общества дележ не может являться центральным пунктом экономики. Он неверно направляет устремления индивидов, ослабляет движущие силы существования общества. Кто будет заботиться о производстве, если каждый в конце года получает ровно столько же, как и все другие? Кто будет думать о будущем поколении, если все созданное обобществляется и ничего нельзя передать детям? Кто будет бережно обращаться с вещами, которые ему не принадлежат?

Для экономистов все это связано с проблемой стимулирования. Перечисленные вопросы иллюстрировались многочисленными примерами. Один из них – общий счет за ужин в ресторане большой группы людей, который оплачивается всеми поровну. Тот, кто был бы бережлив и отказался бы от роскошного десерта, если бы платил только за себя (и свою спутницу), в данном случае заинтересован съесть и выпить, по крайней мере не меньше, чем все другие, иначе он не получит эквивалентное своей плате угощение. Если он ведет себя оппортунистически, то он возьмет себе даже больше среднего. В результате стоимость счета повышается. Это может радовать хозяина ресторана, но с народнохозяйственных позиций такой порядок оплаты счета приводит к нерациональному использованию ресурсов. Когда такой механизм широко используется в обществе, то экономика теряет контроль над расходами. Еще хуже, когда кому-то удастся оплачивать свои счета за счет другого. Частично это имеет место при государственном медицинском страховании. Всегда нужно учитывать, как механизм перераспределения влияет на все народное хозяйство.

Идея уравнительного распределения появлялась в истории человечества неоднократно: от раннего христианства через кибуци, католическую социологию, евангелистическую этику до коммунизма, как в его абстрактно-теоретической марксистской версии, так и в реально существовавшем социализме Сталина и Кастро. И в экономической теории обсуждение вопросов распределения имеет давнюю традицию: от средневекового учения о справедливой цене через Д. Рикардо, который в предисловии к своей книге «Принципы политической экономии и налогообложения» писал: «Главная проблема учения о народном хозяйстве – найти законы, определяющие распределение», до политэкономических философий современности. «Социальный вопрос, – так назвал Ойкен¹ эту проблему, – с начала индустриализации все больше и больше становился центральным вопросом человеческого существования. Он имеет чрезвычайную историческую силу»². Распределение это не абстрактная категория; оно непосредственно касается каждого. «Проблема распределения для большинства людей является первой экономической проблемой»³.

Проблема распределения имеет две стороны. С одной стороны, индивиды делятся добровольно с другими по этическим причинам, когда милосердные самаритяне оказывают помощь бедным или

богатые люди часть своего имущества жертвуют для общественных нужд, как то для коммунальных больниц или церковных проектов. С другой стороны перераспределение осуществляется на законодательной основе в качестве инструмента экономической политики; тогда оно принимает вид «экономики сердца».

Идеи перераспределения в экономической политике общества могут проявляться с разной силой: от коммунистической экспроприации частной собственности, через доминирующую роль государства в центральных отраслях экономики или корректировки рыночных процессов посредством перераспределительных налогов до налогообложения производственных возможностей, при котором богатые платят пропорционально больше, чем менее богатые. Нет ни одной экономической системы, в которой перераспределение вообще не играло бы никакой роли.

Конфликт между распределением и свободой

Уравнительное распределение порождает издержки и немалые издержки. Поэтому существует конфликт между двумя великими, но противоречивыми целями общества: между равенством доходов – перераспределением, с одной стороны, и возможностями для развития индивида – личной свободой, с другой стороны.

Это два нормативных полюса, между которыми крепятся экономические системы, и со стороны каждого из них можно оценивать экономический порядок по множеству различных аспектов. Речь идет о конфликте между коллективом и индивидом, между общественным принуждением и свободой действия индивида, между «материальной свободой», под которой подразумевается обеспеченность благами, и далеко идущей формальной свободой, которая определяется правами индивида или отсутствием ограничений. Речь идет о противоречии между равенством и эффективностью, между перераспределением и экономической динамикой, между равенством результатов и равенством возможностей, между защитой существующего порядка и модернизацией, между желанием застраховаться и готовностью к риску, между солидарностью и субсидарностью⁴, между этикой убеждения и этикой ответственности, между общественным принципом и индивидуальным принципом. И все вертится вокруг разлада между заботой и обеспечением, между перераспределением и самоснабжением, между общественной и част-

ной собственностью, между принципом всеобщей и индивидуальной ответственности, между высокой и низкой долей государства в экономике, ориентацией на завоеванную позицию и на соревнование, между трансфертами и готовностью к производству, между защитой потребителя и суверенитетом потребителя, между патерналистской заботой и собственной ответственностью, между статус-кво и инновацией, между закрытым обществом и открытым обществом.

Множество перечисленных противоположностей делает очевидным, что формирование экономического порядка между полными равенства и личной свободой может быть многогранным. Представьте себе весы, на обоих плечах которых подвешены не по одной чаше, а по целой этажерке чаш. Если изменится груз на одной из чаш, то стрелка весов отклонится в ту или иную сторону – в сторону общества, ориентированного на коллективизм или на индивидуализм.

Какой груз положить на каждую чашу весов – это вопрос не науки, а оценки (суждений). Но в каком направлении будет двигаться стрелка весов, когда политики будут менять груз на каждой чаше весов – это вопрос, который экономисты могут научно исследовать, опираясь и на исторический опыт. Речь идет об эмпирическом соотношении целей, о последствиях или альтернативных издержках: если я хочу немного больше приблизиться к одной цели, насколько я тогда должен отдалиться от другой цели?

Ряд иллюзий

При ответе на этот вопрос общественность порой тешит себя иллюзиями. Возникают представления, которые на первый взгляд, кажутся само собой разумеющимися, но при более внимательном рассмотрении оказываются фантомом. Тем не менее, время от времени та или иная иллюзия становится предметом общественных обсуждений и решений.

Часто этически обоснованная позиция представляется отличной. Но потом оказывается, что результат получился противоположным тому, который ожидался. Такой иллюзией является, например, представление, что ограничения на увольнение вместе с фиксированной зарплатой и фиксированным рабочим временем

защищают трудящихся от потери рабочего места; в конечном счете, это приводит к продолжительному ослаблению спроса на рабочую силу во всем народном хозяйстве и росту безработицы. Защита от увольнения оборачивается своей противоположностью. Примеров добрых намерений, ведущих в ад, – легион.

При распределении возникает конфликт не только между равенством и личной свободой на уровне идеи, но и между уравнительным распределением и потерями благосостояния на реальной почве. Молча предполагается, что делимый пирог имеет неизменный размер. Это иллюзия; размер пирога не постоянен. Перераспределение связано с издержками. Когда Фридрих Великий на одном из ужинов со своими приближенными спросил, почему при больших налогах, уплачиваемых его поданными, в казну поступает мало денег, министр финансов через своих соседей по столу переправил королю порцию мороженого. Когда она дошла по назначению, мороженое растаяло. «Вот видите, Ваше Величество ...» – сказал министр.

Американский экономист Артур Оукен изобразил это явление в виде прохудившегося ковша, посредством которого богатство передается от хорошо зарабатывающих к плохо зарабатывающим, от богатых к бедным, от капитала к труду, от отраслей, платящих налоги, к отраслям, получающим субсидии, от работающих к безработным. Но поскольку ковш с дырками, то богатство в целом теряется.

Но картины с тающим мороженым и прохудившимся ковшом еще не полностью отражают суть проблемы. Дело не только в том, что в процессе перераспределения через государственный бюджет возникают потери. Как только начинаются дебаты по поводу того, как нужно резать пирог, то сразу ослабевают стимулы к выпечке пирога и его размер будет меньше. Чем больше перераспределения в народном хозяйстве, тем менее эффективно оно функционирует. Когда идея перераспределения реализуется в экстремальном варианте, как это было в бывшей коммунистической системе, актуальным становится высказывание У. Черчилля: «Капитализм – дифференциация индивидуального благосостояния, социализм – одинаковое распределение бедности». При перераспределении страдает не только индивидуальная свобода, но и производительность народного хозяйства.

Было бы ошибкой организовывать общество таким образом,

что прибыли одних являются потерями для других и на каждого выигравшего приходится проигравший. Представление о том, что суммарный эффект общественных мероприятий равен нулю, является ошибочным. Существует возможность повысить благосостояние одних – и даже большинства – без ухудшения благосостояния других.

Однако при определенном стечении обстоятельств суммарный эффект общественных мероприятий может оказаться нулевым, как это имело место в Англии в 60-е годы, когда проводилась обусловленная классовый борьбой политика распределения. Экономика с нулевым суммарным эффектом может также возникнуть в результате длительного периода экономического роста: по мере роста благосостояния предпочтения экономических субъектов смещаются в пользу свободного времени, привязанность к месту предпочитается мобильности; увеличиваются расходы государства и расширяется система государственного социального страхования. При такой организации общества политические мероприятия вынужденно играют центральную роль. Политика затыкает рот Аукционисту (рынку): он не может больше выкрикивать цены участникам сделок. Цены определяются политически. В вопросах распределения определяющую роль играют групповые интересы. Ответственная группа может улучшить свое положение за счет продавливания политическими средствами выгодных для себя правил. Так, некоторая отрасль экономики может добиться защиты своих доходов, например, от иностранной конкуренции протекционистскими пошлинами. В обществе, в котором доходы страхуются таким образом, возникает стимул делить пирог в интересах отдельных групп. Когда сформировавшиеся в годы длительного роста ожидания, привычки потребления и механизмы регулирования наталкиваются на вновь появившиеся ограничения, – например, энергетический кризис – тогда начинается перераспределение уменьшающихся результатов или даже потерь.

При распределении учитывать интересы не только живущих поколений

Целый ряд ошибочных толкований возникает при определении цели распределения. Одним из них является требование ра-

венства результатов, в соответствии с которым все должны получать одинаковый доход. Как сказал Александр Рюстоу⁵: «Равенства исходных условий можно требовать с позиций справедливости, равенства результатов – только с позиций зависти. Каждому свое – требует справедливость; каждому то же самое – требует зависть». Вместо того, чтобы уравнивать всех в получении результатов, следует уравнивать исходные шансы каждого индивида. Конечно, полностью выровнять стартовые условия всех граждан государство тоже не может. Люди от природы наделяются разными способностями: одни – способностями лыжника, другие – художника или математика. Речь идет о том, чтобы в рамках устанавливаемых государством правил никто не получал явных преимуществ, чтобы не было никакой дискриминации.

Если цель распределения рассматривать с позиций сегодняшнего поколения, то для будущего будет создано мало, так как сегодняшнее распределение является главным ограничением области будущих возможностей. Собор Парижской богородицы не был бы построен, если бы распределение осуществлялось только в интересах живущего поколения. Когда по политическим причинам при распределении игнорируется необходимость сбережений, то будущему поколению достается меньше капитала и более низкий уровень благосостояния. То же самое происходит, когда будущему поколению оставляют мало накопленных знаний, из-за того, что под давлением текущих социальных проблем производство новых знаний представляется недостаточно эффективным. Если система налогообложения ориентирована на решение сегодняшних проблем перераспределения, то будущее поколение получит меньше капитала всех разновидностей.

Повышенные нагрузки на будущее поколение могут возникнуть и вследствие увеличения государственного долга. Если текущее поколение живет за счет образования новых долгов, например, финансирует социальные расходы за счет финансового пузыря, то будущему поколению придется больше платить налогов. Особенно отчетливо это видно на примере иностранных долгов; для их погашения будущее поколение должно иметь избыток экспорта, т. е. вывозить больше ценности, чем ввозить из-за границы. Следовательно, придется сократить потребление, чтобы накопить дивиденды для погашения долга с процентами. Если нынешнее поколение не выделяет достаточно средств на охрану окружающей среды, то бу-

дущее поколение получит меньше природного капитала. Поэтому нельзя определять цель распределения с точки зрения старого поколения.

Напрасно говорят о социальном равнодушии, когда экономист указывает на то, что нужно учитывать межпериодные связи и что «экономика сердца» может иметь нежелательные последствия. При этом не замечают альтернативных издержек сконцентрированной на распределении экономической политики. Что представляется благом в коротком периоде, может обернуться вредом в длинном периоде. То, что в коротком периоде кажется конфликтом целей, в длинном периоде таковым может не быть.

Похожие проблемы возникают, когда распределение рассматривается с позиций отдельной страны или области. Если рассматривать распределение с позиций индустриально развитых стран, то можно попытаться доказать, что развивающиеся страны своей продукцией задавят отечественные рынки. Тогда можно защитить своих фермеров в ущерб третьему миру, страны которого не смогут реализовать свои относительные преимущества в международном разделении труда. За счет государственных субвенций Европа сможет заполнить мировой рынок дешевой продукцией и лишить шансов развития другие страны. Все сказанное относится и к отдельным регионам и отраслям. В конфликтах, связанных с потерей благосостояния, цель распределительной политики не должна тесно привязываться к интересам части, будь то страна, регион, отрасль или социальная группа общества.

Тезисы социального перекося

Снова и снова основополагающие ориентиры экономической политики связывают с необходимостью корректировки «социального перекося». При этом стремятся вызвать чувство «социального перекося» у населения, например, при сопоставлении темпов прироста прибыли и заработной платы.

Однако целый ряд данных свидетельствует о том, что в Германии никакого заметного изменения в распределении национального дохода нет. Так, на основе анализа данных социально-экономической панели и выборки федеральной статистической службы о доходах и потреблении в 90-х годах Совет экономических экспертов пришел к следующему выводу: «Дифференциация первичных

(рыночных) и вторичных (после государственного перераспределения) доходов в западных федеральных землях возросла незначительно». Неверно также утверждение, что за последние 20 лет трудовые доходы не возросли. Если посмотреть на данные о чистой недельной зарплате квалифицированных рабочих в производственных отраслях западной Германии, которые опубликованы министерством труда, то видно, что с 1980 по 1990 годы она возросла на 40,9%, а с 1999 по 1990 – на 16,8%.

С учетом инфляции это будут не такие большие цифры; тем не менее, в 80-х годах рост реальной зарплаты составил 9,1%, т. е. около 1% в год; в 90-х годах эти показатели соответственно были равны 4,4% и 0,5%. Конечно это не великолепный результат. Политика 90-х годов была ориентирована на социальные расходы и социальные выплаты; поэтому разрыв между брутто зарплатой (выплачиваемой предпринимателями) и нетто зарплатой (получаемой на руки рабочими) возрос. Дают ли приведенные данные повод говорить о наличии социального перекоса? Не свидетельствует ли данная картина о ложной экономической политике? Эти цифры указывают на то, что нельзя одновременно увеличивать валовую зарплату, включающую социальные выплаты, и реальную денежную зарплату. Если это происходит, то повышаются затраты на труд и рабочие платят по счету увеличением безработицы. К этому нужно добавить, что в народном хозяйстве, пополнившись вдруг в результате объединения 10 млн. дополнительных рабочих рук, реальная зарплата не может расти также быстро, как раньше, из-за увеличения предложения труда.

Но даже, если бы социальный перекос существовал, было бы ли в этом случае усиленное перераспределение доходов правильным ответом на мирохозяйственные изменения? Нет, так как перераспределительная политика создает стимулы, сдерживающие динамику народного хозяйства. Власти должны понимать, что сильная ориентация на перераспределение парализует хозяйство и уровень общественного благосостояния снижается из-за эрозии производительных способностей. Они должны иметь в виду, что мощная экономическая динамика расширяет пространство для перераспределения и повышения занятости. Кроме того, этот конфликт целей нужно рассматривать на фоне глобализации. От более равномерного распределения внутри страны мало пользы, а конкурентоспособность отечественной экономики в мировом хозяйстве сни-

зится. Может ли такая зависящая от внешней торговли страна, как Германия, которая извлекает свое благосостояние из международного разделения труда, строить свою экономико-политическую концепцию на перераспределении? Способствует ли такая стратегия созданию благоприятных условий ведения бизнеса, конкуренции за мобильный капитал и мобильные технические знания? Не возникает ли опасность, что капитал утечет, а производство пострадает?

При дебатах о распределении нам, прежде всего, необходимо иметь реалистическую картину того, как велика доля перераспределяемой части в национальном доходе. Общественности едва ли известно, что в Германии доля всех трудящихся в национальном доходе равна 80%. Таким образом, 4/5 всего дохода приходится на труд. Если брать только наемных работников, то их доля равна 70%. Хотя в течение конъюнктурного цикла эта доля колеблется, в среднем за последние 30 лет она постоянна. Только 1/5 национального дохода приходится на прибыль и проценты. Процентные доходы составляют от 3 до 5% национального дохода; при этом большую часть получают домашние хозяйства, в то время как государство из-за большой своей задолженности получает отрицательный процентный доход (почти 3%). Прибыль как остаточный доход в период 1980-1997 гг. составляла около 19% национального дохода.

Из приведенных данных должно быть ясно: кто хочет перераспределять, тот может это делать в основном в рамках доли, принадлежащей на трудовые доходы. Это означает, что от одного трудящегося нужно кое-что взять, чтобы передать это другому. Возможности перераспределения между трудом и капиталом ограничены. К тому же, рабочему невыгодно, если из-за перераспределения капитал утечет, так как снизятся капиталовооруженность и производительность труда. Кроме того, рабочие получают и часть дохода на капитал, так как они владеют акциями и другими ценными бумагами.

Неправильно также исходить из того, что в регионах Германии все должно быть одинаково. Так, величина ВВП на одного жителя или на одного трудящегося в западной Германии сильно различается. В то время как в Гамбурге ВВП на одного жителя превышает среднегерманский показатель в 1,6 раза, а в Бремене в 1,25 раза, в таких землях, как Нижняя Саксония, Рейнланд-Пфальц и Шлез-

виг-Гольштейн этот показатель составляет 85% от среднегерманского. Это значит, что мы должны реалистично оценивать свои притязания; нам нужно примириться с тем, что производительность трудящихся, а следовательно, и доход на душу в различных частях Германии неодинакова. Во всяком случае, государство не может устранить эти различия. Посредством оказания государственных услуг и создания инфраструктуры оно может стремиться к созданию в регионах схожих условий жизни, но ему придется смириться с тем, что в отдельных землях ВВП на душу населения составляет лишь 80% от среднегерманского. Какую степень дифференциации мы должны принять, зависит от размеров экономики. В таком большом экономическом пространстве, как Европейский союз, дифференциация может быть значительная. Эти различия будут еще больше, если мы возьмем все мировое хозяйство.

Третий путь – это выход?

Помогают ли советы экономистов, например, Совета экономических экспертов? Иногда у меня создается впечатление, что власти заткнули уши. Ученому доставляет мало удовольствия выкрикивать политикам слова из драмы Ф. Шиллера «Бурлящие камни»: «Твой путь искривлен; это не мой путь». Но «искривлен» это уже не то слово. По острому замечанию британского премьер-министра Макмиллана «прямой путь для политика в большинстве случаев непроходим». Поэтому политики ищут не прямой путь и даже не окольный, а «третий» путь. Он должен быть достаточно широким, чтобы не возникало необходимости решать экономико-политические конфликты целей. Он должен быть не трудным, чтобы по нему было легко шагать. И определение его должно быть немного туманным, чтобы под ним можно было понимать многое.

Славное начало шествия по «третьему пути» было предпринято в плановой экономике Чехословакии Ота Шиком⁶ попыткой синтеза рынка и плана в качестве способа избавления от неэффективной плановой экономики. Тогда это не удалось, так как третий путь оказался «ни рыбой, ни мясом». В западной Европе этот термин, введенный Энтони Джидденсом⁷, подхватили социал-демократы, чтобы заявить, что не все должно быть по капиталистически. Что конкретно «третьего» в этом пути, остается открытым. В конечном счете, речь идет об интервенционистской концепции, кото-

рая «преимущественно направлена на то, чтобы предотвратить нежелательные социально-политические последствия рынка посредством государственного регулирования, субвенций и трансфертов»⁸.

Между тем политики обрушили на общественность широкий калейдоскоп понятий, пытаясь решить конфликт между коллективной и индивидуальной свободой или сделать его менее острым. При этом говорят уже не только о третьем пути, но и о «новых средствах», о «современном гражданском обществе», о «капитализме с сердцем», о «сочувствующем консерватизме» или о «мы-обществе». В этих различных декларативных понятиях кроется опасность того, что власти пытаются прикрыть ими конфликт экономико-политических целей. Как правило, эти понятия остаются бессодержательными, но должны посредством одного слова внушить избирателям социальную или экономическую программу.

Конечно, следует признать, что демократии присуща борьба между партиями за среднего избирателя; и это хорошо, так как интегрирует общество в целом. Избирательная система должна быть так организована, чтобы партии искали согласие с обществом в целом. Тем не менее, остается вопрос, как долго избиратели должны довольствоваться лишь общими понятиями.

Доля государства как оселок

Решающим показателем того, насколько экономика ориентирована на перераспределение, является доля государства в ВВП. В настоящее время в Германии этот показатель равен почти 50% (2000 г. 48,4%), т. е. почти половину годового объема производства государство использует по своему усмотрению. В 1970 г. эта доля была равна 39,3%. В 70-е годы во время строительства государства благосостояния эта цифра возросла до 50%. Обычно только 4% всех государственных расходов идет на валовые инвестиции, а больше половины – на социальные нужды; остальное – это выплаты процентов по государственному долгу, субвенции и трансферты имущества. Государство увеличивает налоги и социальные отчисления для того, чтобы финансировать свои расходы. Кроме того, оно увеличивает свою чистую задолженность. Налоговые отчисления составляют 24,5%, а социальные отчисления 18,6% от ВВП. Такова оборотная сторона высокой доли государственных расходов в ВВП.

Государство конкурирует с частным сектором за дефицитные факторы производства. Труд и капитал, используемые государством, отвлекаются от производства частных благ. Изъятые из частного сектора факторы производства оплачиваются государством за счет налогов и социальных отчислений, которые уменьшают покупательную способность граждан.

Главный вопрос заключается в том, сколько экономических ресурсов можно предоставить государству и сколько оставить за частным сектором. При этом нужно себе ясно представлять, из каких сфер государство должно быть вытеснено. Не все, что делает государство, относится к «жизненно необходимым благам», не производимых частным сектором. Можно вспомнить, что еще 15 лет назад к таким благам относили телефон, предоставляемый почтовой государственной монополией. Многие не могли себе даже представить, что услуги телефонной связи могут предоставлять частные фирмы. Очевидно, что из определенных сфер государство может быть исключено, без ущерба для снабжения граждан благами.

То, что мы говорили в предыдущей главе о дерегулировании, снова всплывает в виде приватизации. Вопрос о том, из каких сфер государство может уйти, распространяется и на земельные банки. Это важно уже потому, что снова и снова происходят банкротства банков, находящихся в руках государства. Так, в начале лета 2001 г. по сообщениям прессы налогоплательщики лишились 6 млрд ДМ, которые пошли на поддержание сообщества берлинских банков. Приходят также сообщения, что местные бюджеты вынуждены расходовать двухзначные миллионные суммы для поддержания сберегательных касс, как это было в Мангейме. В XIX в. было необходимо страховать сбережения маленьких людей специальными общинными фондами. Но необходимо ли это сегодня? Почему государственные банки и сберкассы должны иметь конкурентные преимущества перед частными банками? Следует обсудить, что может в этом отношении сделать Европейский союз.

Конкретно вопрос ставится так: какую область свободы государство оставляет индивиду? Ответ на него можно давать либо с позиций государства, либо с позиций индивида. Если руководствоваться интервенционистской концепцией, то необходимость государственного вмешательства видится повсюду. Если на передний план ставить свободу индивида, то дело выглядит по-другому: государство должно делать только то, что частные лица по собствен-

ной инициативе делать не будут.

Государству вменяется в обязанность создавать условия для лучшего функционирования общественных процессов с учетом динамического аспекта. Что для этого оно может сделать? Оно может позаботиться о хорошей транспортной инфраструктуре, снижающей издержки пространственного перемещения и повышающей мобильность. Оно может создать предпосылки для получения такого образования, которое дает рабочему хорошую квалификацию и позволяет ему приспособливаться к новым техническим условиям. Оно может так организовать высшее образование, чтобы в распоряжении народного хозяйства имелся превосходный человеческий капитал. И оно может так организовать фундаментальные исследования, чтобы они стали конкурентоспособными в открытии новых знаний и тем самым порождали импульсы инноваций. Но надо быть скептиком, когда государство хочет отбирать технологические новинки. Об этом мы говорили в 13-й главе.

Пределы государства

Доля государства в ВВП, а следовательно, размеры необходимых налогов и социальных отчислений в решающей мере зависят от политической воли заниматься перераспределением. Чем сильнее она выражена, тем выше доля государства и тем больше препятствий возникает у частного сектора при достижении своих целей и тем меньше экономическая динамика.

Формально в нашей экономической системе нет никаких границ государственной доли в ВВП. В истории часто встречались периоды, когда доля государства росла (война, строительство государства общественного благосостояния, объединение страны). Достигнув высшего уровня, она по политико-экономическим причинам уже не снижалась, а если снижалась, то не намного. Поскольку границ для участия государства в экономике нет, то в результате постоянного увеличения доли государства рыночная экономика через некоторое время может оказаться государственной экономикой. Можно предположить, что конкуренция стран в мировом хозяйстве за капитал и технические знания будет служить контролирующей государственную деятельность силой; это относится к возможностям налогообложения прибыли предприятий, доходов капитала и мобильных квалифицированных рабочих. Нельзя, ко-

нечно, исключать, что государство найдет новые источники налогов.

Следующим средством ограничения государства в экономике является определение разновидностей его расходов. Так, при предоставлении субвенций, которые по расчетам Института мировой экономики достигают 150 млрд евро в год, можно осуществлять по депрессивной шкале, постепенно уменьшая размеры государственной поддержки. Дальше нужно подумать о распределении полномочий осуществления расходов между различными уровнями власти на основе принципа субсидаритета, в соответствии с которым производство общественных благ территориально должно быть приближено к гражданам в целях обеспечения большей эффективности. Это предполагает однозначное распределение налоговых полномочий, так чтобы различные уровни федеративного государства сами отвечали за свою деятельность. Тогда региональные общины конкурировали бы друг с другом в предоставлении общественных благ и сбора необходимых налогов (федерализм на принципах самокупаемости). Распределение ответственности должно осуществляться таким образом, чтобы различные уровни власти не могли блокировать друг друга. Ответственность не должна затушевываться.

И наконец, говоря об институциональных пределах государства в экономике, нужно обсудить вопрос о величине налогов и вслед за Хайеком и Бухананом попытаться найти их конституционные ограничения. Речь идет о конституционном ограничении права повышать налоги посредством установления их верхней границы для отдельного налогоплательщика или о запрете государству забирать у гражданина больше половины его годового дохода. Это правило было подтверждено решением федерального конституционного суда от 22 июня 1995 г. В нем говорится: «Налог на имущество может вводиться в дополнение к прочим налогам на доход только при условии, что общая налоговая нагрузка не будет превышать половину дохода гражданина». То, что государство не может забирать больше половины дохода гражданина, как бы защищает его, но является малым утешением, поскольку представляет собой сильное вмешательство в его частную сферу. Знаменитая десятая прошлого давно забыта; Буханан в своих записках называет одну треть. К сожалению, верхние границы скоро могут стать нормами. Установление верхней границы для отдельных налогов,

будь то в форме ставки или суммы налога, легко можно обойти посредством введения новых налогов.

Но государство должно соблюдать пределы не только при изъятии части годового дохода; ему нужно учитывать, что люди своим трудом и бережливостью обеспечивают всю свою жизнь. Иногда создается впечатление, что некоторые политики без должного уважения относятся к тому, что гражданин накопил собственным трудом, как будто они сами ничего не накопили и поэтому не могут понять, что означает для граждан налоговые отчуждения. В этом деле граждане должны возлагать свои надежды на федеральный конституционный суд.

И наконец, важным институциональным ограничением для государства является независимость Центрального банка. Стабильность денег означает, что власти не могут решать те или иные конфликты целей за счет некоторого увеличения инфляции. Тем самым свои перераспределительные акции государство должно планировать таким образом, чтобы не выходить за пределы налогообложения и не ослаблять национальную денежную единицу.

Больше полагаться на свободу

Бесспорно, что существует конфликт между коллективом и индивидуальной свободой. Какая чаша весов должна перевешивать, этот выбор нужно оставить за индивидом. Я выступаю за предоставление большей индивидуальной свободы и за большее пространство действия индивида. При выборе между коллективизмом и индивидуализмом мы в Германии по сравнению с другими странами такими, как Швейцария и США, имеем меньше природной привычки к индивидуальной свободе и исконных притязаний избирателей к своим политическим инстанциям. Исторически у нас коллективные решения играли доминирующую роль, консенсус – общественное согласие – занимал центральное место и многие институты общества и среди них церкви, которым скорее присущ менталитет служения, были настроены дружелюбно к власти и критически к свободе. В последнем столетии общественная воля потеряла свою политическую невинность как из-за своеобразной ее интерпретации при создании коллективных предприятий профсоюзов типа «Новая родина», так и из-за великих политических заблуждений 20-го столетия таких, как коммунизм и национал-

социализм, в рамках которых диктаторски определенная общая воля выдвигалась на передний план, а индивидуальность подавлялась.

Исходя из этого и иного опыта, который описан в этой книге, мы, прежде всего, должны думать не о коллективистском решении экономических и общественно-политических проблем, а искать их решения на предпосылках свободы, не звать на помощь государство, а исходить из того, что индивиды должны сами себе помогать. Основной вопрос должен звучать так: что для самих себя могут сделать гражданин, семья, предприятие, регион, и только тогда, когда на этом уровне решения нельзя найти, обращаться к другим посылам. Это значит, что сначала нужно предоставить свободу, возможности выбора и не бояться многообразия.

При перераспределении дохода, например, нужно исходить из вертикальной мобильности личности в обществе и из ее вертикальной мобильности на пирамиде доходов. Статистическое выравнивание результатов хозяйственной деятельности не может быть лейтмотивом экономической политики. Всем тем, кто приобщает к перераспределению сердце, нужно сказать, что существует очевидная вертикальная мобильность в пирамиде доходов. Так, Совет экономических экспертов указывал на следующий результат: из домашних хозяйств наемных рабочих, которые в 1995 г. в западной Германии находились на нижней ступени лестницы доходов, в 1998 г. перебрались на следующую ступень 35,8%, а 18,4% оказались на еще более высоких ступеньках. Это свидетельствует о заметной вертикальной мобильности. Задача политики распределения должна состоять в том, чтобы способствовать такой мобильности и улучшать шансы в открытом обществе для подъема по лестнице доходов. Это обещает больший успех, чем ex-post уравнительное перераспределение.

Для этого мы нуждаемся в культуре, в которой признается, что больше нужно делать самому. Мы нуждаемся в культуре, которая нормально воспринимает статистические различия в доходах. Это относится не только к распределению доходов между индивидами, но и между регионами земель.

Что выигрывает один, не обязательно является проигрышем для другого. Общество, основанное на разделении труда, открывает перед индивидами широкие возможности: оно не гарантирует им выполнение определенной функции по происхождению, оно допус-

кает вертикальную мобильность, оно желает рынка и конкуренции, оно предоставляет индивидам пространство действия и свободу. Мне представляется важным, что наше общество – по словам философа Карла Поппера – не является закрытым обществом. Оно должно быть открытым обществом, в котором индивиды предвидят результаты лично принятых решений, в котором институты оставляют пространство для личной ответственности и критические способности людей проявляются свободно⁹.

¹ Ойкен В. (1891-1950) – основатель Фрайбургской школы нелиберализма.

² Eucken W. Grundsdtze der Wirtschaftspolitik, Тьbingen/Zьrich 1952, S. 1.

³ Там же, с. 2.

⁴ Принцип организации общества, в соответствии с которым вышестоящей инстанции передаются только те функции, которые не могут выполнять нижестоящие ячейки. – *прим. перев.*

⁵ Rьstow Alexander (1885-1963) – один из наиболее значительных социологов Германии XX в.; нелиберал.

⁶ Шик О. – чешский экономист, министр экономики в правительстве Дубчека.

⁷ Anthony Giddens 1938. – англо-американский социолог.

⁸ Alfred Schьller, Auf dem dritten (Schleich-)Weg, NZZ, 27.5.2000

⁹ K.R. Popper, a.a.O., S. 3.